

ПРИМЕНЯЛСЯ ЛИ ФАКТИЧЕСКИ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР БАКИНСКИХ РАБОЧИХ 1917 г.

С. С. АЛИЯРОВ

Борьба бакинских рабочих за коллективный договор в 1917 г. широко отражена в исторической литературе 20-х годов¹. Как правило, в центре внимания историков того времени стоял общий анализ результатов сентябрьской всеобщей забастовки. Победа сентябрьской забастовки, по их мнению, «оказалась весьма сомнительной», а «договор

¹ См. Я. А. Ратгаузер. Борьба бакинского пролетариата за коллективный договор 1917 г., Баку (далее Баку как место издания не указывается), 1927; В. В. Похшишевский. Положение бакинского пролетариата накануне революции (1914—1917 гг.), 1927; С. Е. Сеф. Революция 1917 года в Закавказье (док., материалы), Тифлис, 1927, и др.

фактически не применялся»². Историография последних лет иначе оценивает результаты забастовки и считает, что она окончилась внушительной победой бакинских рабочих³. Однако специального исследования о применении коллективного договора в литературе нет.

В настоящей статье рассмотрим судьбу трех основных разделов коллективного договора: о правах промыслово-заводских комитетов («правовые условия»), рабочем дне и заработной плате, так как именно они лежали в основе конфликтов после сентябрьской стачки.

* * *

Как известно, сентябрьская всеобщая забастовка в Баку, возникшая из-за коллективного договора, окончилась подписанием 2 октября 1917 г. «предварительного соглашения» между представителями рабочих и промышленников. Стороны обязались в двухнедельный срок «заключить в окончательной редакции» коллективный договор, но специально было оговорено, что «договор с сего числа считается принятым»⁴. Для подготовки «окончательной редакции» договора был создан смешанный орган — редакционная комиссия. В течение указанного срока ей предстояло урегулировать вопросы, оставшиеся спорными: установление жалованья для служащих (в основном квалифицированных рабочих) Общества заводчиков и фабрикантов бакинского района («Зафатема»), Совета съезда нефтепромышленников и для котельщиков; распространение 8-часового рабочего дня на служащих; редактирование всего договора⁵.

Оставался полностью не урегулированным и наиболее принципиальный вопрос — о праве промыслово-заводских комитетов найма и увольнения рабочих. В связи с категорическим отказом капиталистов он был передан Особому Закавказскому комитету (Озак), обещавшему «провести декретом» этот раздел договора в редакции, предложенной рабочей стороной⁶.

Однако за это время договор в окончательной редакции не был подписан. Промышленники избрали тщательно обдуманную тактику эбструкции, рассчитанную на срыв работы редакционной комиссии. К концу установленного срока было закончено лишь рассмотрение пунктов о жаловании (зарплата), затем опубликовали извлечения из договора в части, касающейся заработной платы⁷. На предприятиях началось составление платежных списков по ставкам колдоговора.

На этом позитивная деятельность редакционной комиссии, пожалуй, кончается. По другим вопросам капиталисты, руководимые своими союзами и Советом съезда, ни на какие уступки не шли. Особенно неуступчивую позицию они занимали в вопросе о 8-часовом рабочем дне.

Капиталисты по-прежнему пытались использовать данный вопрос для того, чтобы изолировать квалифицированных рабочих от остальной

² В. В. Покшишевский. Указ. соч., стр. 67—70; Я. А. Ратгаузер. Указ. соч., стр. 70.

³ См. «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.)», М., 1958, стр. 57; «История Коммунистической партии Азербайджана», ч. I, 1958, стр. 262; З. И. Ибрагимов. Борьба трудящихся Азербайджана за победу социалистической революции (1917—1918 гг.), 1957 (на азерб. яз.); А. Н. Гулиев. Борьба бакинского пролетариата за коллективный договор весной и летом 1917 года. («Великий Октябрь и борьба за Советскую власть в Азербайджане», 1958, стр. 70—145); М. С. Искендеров. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти, 1958, стр. 139; П. В. Волобуев. Ленинская идея рабочего контроля и движение за рабочий контроль в марте — октябре 1917 года. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, стр. 54.

⁴ «Известия Бакинского Совета», 5 октября 1917 г.; Партархив Азерб. филиала ИМЛ (далее: ПА Азерб. филиала ИМЛ), ф. 276, оп. 3, ед. хр. 132, лл. 136—137.

⁵ «Известия Бакинского Совета», 5 октября 1917 г.

⁶ Там же, 4 октября 1917 г.

⁷ Там же, 13 и 16 октября 1917 г.; «Нефтяное дело», 1917, № 19—20, стр. 20—24.

массы пролетариата: они отказывали в праве на 8-часовой рабочий день 15 категориям «служащих» (буровым мастерам, машинистам, механикам, старшим слесарям и очистителям, монтерам, шоферам и др.). При этом, объявляя свою позицию неизменной, промышленники открыто делали ставку на срыв работы редакционной комиссии. Так, 24 октября 1917 г. на заседании комиссии ими было сделано следующее заявление: «Совет (съезда нефтепромышленников)... не нашел возможным изменить свое решение, а потому если (!) будет устроено новое заседание, то ...придется повторить то заявление, которое он делает на настоящем заседании»⁸.

Не менее острая борьба развернулась вокруг «правовых условий», занимавших «центральное место» в колдоговоре. После того как буря всеобщей забастовки стихла, Озаком, взявший на себя декретирование указанного раздела договора, передал вопрос на «разрешение» Временного правительства. Свое решение он мотивировал нежеланием издать постановление, противоречащее существующим законам⁹.

Смысл маневра Озакома бакинские рабочие разгадали, они хорошо знали позицию Временного правительства по этому вопросу — слишком свежа была память о бакинском «турне» (август 1917 г.) меньшевика Скобелева, возглавлявшего «социалистическое» министерство труда¹⁰. Вот почему решение Озакома о передаче «правовых условий» на рассмотрение Временного правительства вызвало повсеместное возмущение бакинских рабочих. 8 октября 1917 г. конференция промыслово-заводских комитетов, приняв предложенную большевиками резолюцию, выразила протест Озакому. Конференция постановила не распускать стачечные организации, созданные в период сентябрьской забастовки, и дать Озакому недельный срок для окончательного ответа¹¹.

Столь решительная позиция бакинского пролетариата заставила Временное правительство занять позу «невмешательства» в конфликт. Новый министр труда Гвоздев послал Озакому телеграмму, в которой говорилось: «В виду категорического указания Гегечкори¹² бакинским рабочим, что вопрос приема и увольнения будет декретирован Краевой властью, считаю необходимым, чтобы Озаком сам изыскал выход из создавшегося положения»¹³.

14 октября 1917 г. Озаком вынужден был подписать «обязательное постановление о порядке приема и увольнения служащих, мастеровых и рабочих в Бакинском промысловом районе»¹⁴. Основное содержание

⁸ ПА Азерб. филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 3, ед. хр. 150, л. 78.

⁹ Там же, л. 37; ЦГАОР Груз. ССР, д. 1471, оп. 1, д. 582, лл. 1—2; А. Н. Гулиев. Указ. соч., стр. 136.

¹⁰ Выступая в Баку на заседании согласительной комиссии по заключению коллективного договора, Скобелев сказал, что право найма — неотъемлемое право нефтепромышленников. «У рабочего для борьбы (?) с предпринимателями есть одно средство — уход со службы, и это в свою очередь неотъемлемое право рабочего», — цинично заявил он (ПА Азерб. филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 3, ед. хр. 150, лл. 55—56). Затем последовали пресловутые «скобелевские циркуляры» о запрещении вмешательства фабрично-заводских комитетов в вопросы найма и увольнения рабочей силы. Нефтепромышленники тут же начали ссылаться на них как на «основания, указанные в законе» (см. там же, лл. 44—45, 48—50).

¹¹ А. Н. Гулиев. Указ. соч., стр. 136.

¹² Председатель краевого соглашательского центра Советов в Закавказье, меньшевик. Прибыл в Баку еще накануне сентябрьской забастовки «для предотвращения конфликта».

¹³ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 1, д. 2134, л. 103.

¹⁴ Текст постановления см.: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 1, д. 2130, л. 56; «Нефтяное дело», 1917, № 19—20, стр. 28. Позже, при издании Исполнительным Комитетом Бакинского Совета текста коллективного договора, это постановление было полностью включено в § 2 договора (См. «Условия коллективного договора, заключенного 2 октября 1917 года между рабочими, мастеровыми, служащими и нефтепромышленными и подсобными к ним предприятиями в гор. Баку и его районах», 1917, стр. 4—6).

этого документа, изданного на основе проекта «Бакинского промышленного комитета»¹⁵ (конференции промышленно-заводских комитетов), выражено в его первом и третьем пунктах: «1) Впредь до учреждения в городе Баку Биржи труда¹⁶ прием рабочих, мастеровых и служащих... производится администрацией предприятий, но предпочтение отдается кандидату профессиональных союзов» (после открытия биржи — «через Биржу труда под контролем профессиональных союзов и промышленно-заводских комитетов») ...» 3) Протесты на увольнение приносятся в правление соответствующих профессиональных союзов и промышленно-заводских комитетов».

Постановление Озакома исходило из значительно смягченного варианта требования бакинских рабочих о приеме и увольнении¹⁷. Тем не менее оно вызвало резкое недовольство капиталистов¹⁸. I и II Союзы нефтепромышленников, Союз фирм подрядного бурения и об-во «Зафатема» совместно заявили, что декрет ставит промышленников «в невозможное положение», исполнение его «гибельно для промышленности» и т. д. Предприниматели возбудили перед Временным правительством ходатайство «о пересмотре и отмене» постановления Озакома¹⁹.

Таким образом, после прекращения забастовки принципиальные разногласия по коллективному договору не были устранены, а сам договор в окончательной редакции не был подписан. В силу этого отношения между рабочими и предпринимателями в Баку в октябре 1917 г. были исключительно напряженными. Борьба за коллективный договор являлась ареной, где рабочие проходили школу политического воспитания, все теснее сплывались вокруг тактических лозунгов большевистской партии, нацеливавшей массы на взятие власти в свои руки.

С провозглашением Советской власти в Баку 31 октября 1917 г. начинается новый этап борьбы бакинских рабочих за коллективный договор. Его особенность определяется той грандиозной деятельностью, которую развернули большевики Азербайджана за превращение Бакинского Совета в подлинный орган диктатуры пролетариата в условиях отчаянного сопротивления контрреволюционного блока меньшевиков, эсеров, мусавистов и дашнаков. По справедливому замечанию В. В. Покшишевского, коллективный договор в это время являлся «уже непосредственно объектом и средством политической борьбы»²⁰.

В связи с саботажем промышленников, коллективный договор по-прежнему находился в центре борьбы труда с капиталом. Проходили недели, а капиталисты не только не шли на уступки по неурегулированным вопросам²¹, но и создавали новые серьезные препоны на пути реализации уже решенных вопросов. На этот раз они оперировали «водами» II Союза промышленников, заявившего, что без нового повышения цен на нефть к назначенному сроку (25 ноября) выплатить разницу по коллективному договору за период с апреля по сентябрь (ставки

¹⁵ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 1, д. 2134, л. 103.

¹⁶ В Баку Биржа труда открылась только в феврале 1918 г. (см. ЦГИА Азерб. ССР, ф. 389, оп. 1, д. 765, л. 96).

¹⁷ На это непосредственно указывал член согласительной комиссии большевик А. Заргаров на конференции промышленно-заводских комитетов («Известия Бакинского Совета», 21 сентября 1917 г.).

¹⁸ «Каспий», 20 октября 1917 г.

¹⁹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 1, д. 2134, лл. 94—95. После свержения Временного правительства союзы промышленников «в связи с прекращением существования» Озакома объявили его постановление потерявшим «свое юридическое бытие» (там же, оп. 1, д. 2134, л. 111; оп. 4, д. 43, л. 98).

²⁰ В. В. Покшишевский. Указ. соч., стр. 71.

²¹ Ответ промышленников на заседании редакционной комиссии 8 ноября 1917 г. по вопросу о 8-часовом рабочем дне представители рабочих А. Джапаридзе, И. Фиолетов и С. Тер-Габриелян нашли «фактически равносильным отрицанию 8-часового рабочего дня» (ПА Азерб. филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 3, ед. хр. 150, л. 96).

договора считались принятыми с 1 апреля 1917 г.) не может²². 24 ноября этот Союз отклонил ультимативное требование о выплате упомянутой разницы в срок; не было принято и требование о подписании и опубликовании коллективного договора в редакции рабочей стороны²³. Работа редакционной комиссии была прервана.

Владельцы ряда подсобных предприятий отказывались распространить коллективный договор на своих рабочих (подрядчики бр. Гаджиевы, Стукен и К°, акц. об-во Ферум, Урало-Кавказское акц. об-во, Б. Акопов и К° и др.)²⁴. Искусственно создаваемыми затруднениями они решили не допустить юридического узаконения договора.

Действия капиталистов вызвали решительный протест рабочего класса. С целью срыва организованного саботажа буржуазии бакинские рабочие все активнее выдвигали требования об установлении рабочего контроля над производством и о национализации нефтяной промышленности. Эти требования особенно усилились после декрета Советского правительства о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г., который был опубликован 25 ноября в газете «Бакинский рабочий»²⁵.

28 ноября конференция заводских комитетов Черного города (присутствовали делегаты 22 заводов) под председательством М. Басина, обсудив вопрос о коллективном договоре, постановила принять все меры для того, чтобы осуществить контроль над производством, а для выяснения возможности национализации нефтяной промышленности послать делегацию в Петроград в СНК РСФСР. Аналогичная резолюция была принята и Центральным стачечным комитетом, обсудившим 29 ноября совместно с районными стачечными комитетами вопрос о коллективном договоре (стаечные организации постановили обнародовать договор, довести спорные вопросы до сведения рабочих и принять репрессивные меры вплоть до ареста промышленников, не желавших подписать его)²⁶.

Борьбу рабочих возглавил большевистский Исполнительный Комитет Бакинского Совета. Уже 20 ноября 1917 г. в принятом на экстренном заседании Исполкома постановлении указывалось, что ходатайство нефтепромышленников об увеличении цен на нефть не находится ни в какой связи с выполнением договора и решительным образом отвергается. Решено было коллективный договор «в целом утвердить и незамедлительно проводить в жизнь при помощи самых решительных мер вплоть до ареста нарушителей — нефтепромышленников»²⁷.

11 декабря 1917 г. вопрос о коллективном договоре был обсужден на расширенном заседании Бакинского Совета с участием представителей промыслово-заводских комитетов. Совет принял резолюцию, сыгравшую важную роль в борьбе за коллективный договор. Решено было «в редакции нашей комиссии» объявить его как обязательное постановление и преобразовать Центральный Стаечный Комитет в Центральный

²² ЦГАОР Груз. ССР, ф. 1471, оп. 1, д. 582, л. 3. Требование II Союза публично поддерживалось остальными союзами капиталистов: Союзом фирм подрядного бурения, об-вом «Зафатема» и даже I Союзом — группировкой крупных нефтепромышленных фирм, загребавших наиболее высокие прибыли. Представитель последних Тагианов, напрм., говорил, что такая причина, как ссылка на отсутствие средств для I Союза «не имела бы оправдания», но тем не менее I Союз «готов выступить солидарно со Вторым союзом, готов поддержать ходатайство о повышении фиксированной цены» (ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 1, д. 2134, л. 113).

²³ «Известия Бакинского Совета», 1 декабря 1917 г.

²⁴ ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 1134, оп. 1, д. 36, л. 8; «Известия Бакинского Совета», 17 декабря 1917 г.

²⁵ «Известия Бакинского Совета» опубликовали 28 ноября статью «Разруха и рабочий контроль», в которой также разъяснялась суть декрета Советского правительства о рабочем контроле.

²⁶ «Известия Бакинского Совета», 1 декабря 1917 г.; «Бакинский рабочий», 5 декабря 1917 г.

²⁷ «Кавказский рабочий», 25 ноября 1917 г.

Контрольный Комитет, а заводские комитеты — в районные контрольные комитеты. Последним совместно с Исполнительным Комитетом Совета поручалось добиться немедленного проведения в жизнь договора всеми мерами, включая и репрессивные. В резолюции указывалось, что необходимо «поставить вопрос» о контроле над производством перед СНК РСФСР о национализации нефтяной промышленности. Отмечалось, что в СНК «посылается делегация»²⁸. «Борьба за выполнение условий договора вступила в решающую фазу.

Агрессивно настроенные капиталисты злобно встретили меры Бакинского Совета. Они отказались признать резолюцию Бакинского Совета и обязательного текста коллективного договора²⁹. Комитет I Союза нефтепромышленников постановил издать контрвариант договора в редакции самих промышленников³⁰. Более того, как свидетельствует переписка этого Комитета с союзами капиталистов, последним неоднократно предписывалось руководствоваться разработанными им «Правилами»³¹.

Вопреки всем ухищрениям капиталистов рабочие различных фирм добивались проведения в жизнь спорных пунктов договора. Пример организованного отпора предпринимателям показали рабочие «Бакинского нефтепромышленного об-ва». Центральный промыслово-заводской комитет этой фирмы вынес постановление осуществить явочным порядком спорные условия договора в связи с отсутствием возможности «мирного разрешения вопроса о проведении в жизнь полностью» коллективного договора³².

Источники показывают, что применение условий коллективного договора о правах промыслово-заводских комитетов и 8-часовом рабочем дне в конце 1917 — начале 1918 г. практически было обеспечено. Подтверждением тому служит анкетный лист делегации Союза нефтепромышленных рабочих Баку на I Всероссийском съезде профсоюзов (январь 1918 г.). В ответах на поставленные вопросы бакинцы указывали: прием и увольнение рабочих осуществляется промыслово-заводскими комитетами и частично — Союзом нефтепромышленных рабочих; в промышленных предприятиях, представленных Союзом, существует 8-часовой рабочий день³³. Этот факт вынужден был даже признать комиссар торговли и промышленности Закавказского Комиссариата Джафаров. Выступая на общем собрании представителей бакинских капиталистов с разъяснением по поводу декрета Комиссариата о 8-часовом рабочем дне³⁴, Джафаров заявил, что декрет в сущности ничего нового не представляет, так как «уже давно введен всюду явочным порядком»³⁵.

²⁸ «Известия Бакинского Совета», 14 декабря 1917 г.; З. И. Ибрагимов. Указ. соч., стр. 327—328.

²⁹ Текст коллективного договора полностью был опубликован Исполнительным Комитетом Совета под названием: «Условия коллективного договора, заключенного 2 октября 1917 года между рабочими, мастеровыми и служащими и нефтепромышленными и подсобными к ним предприятиями в гор. Баку и его районах». Типография Исполнительного Комитета (Бакинского Совета), 1917 (далее «Условия коллективного договора»).

³⁰ См. ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 1, д. 2134, л. 128; д. 2130, лл. 93—96 («Правила по урегулированию взаимоотношений со служащими и рабочими, принятые Первым и Вторым Союдами Бакинских нефтепромышленников. Союзом Бакинских предприятий по бурению нефтяных скважин и Союзом владельцев котельных и заплочных мастерских»).

³¹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798; оп. 1, д. 2147, л. 67; оп. 4, д. 43, л. 113; оп. 5, д. 6, л. 150.

³² ПА Азерб. филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 3, ед. хр. 132, л. 288 и сл. Это постановление было санкционировано Центральным Советом профессиональных союзов Бакинского района (ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 1134, оп. 1, д. 18, л. 4).

³³ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 2, д. 36, лл. 10—12.

³⁴ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 509, оп. 1, д. 13, л. 62. Этот декрет, а также некоторые другие постановления контрреволюционного Закавказского Комиссариата по вопросам труда были изданы под давлением рабочих Закавказья.

³⁵ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 1, д. 2134, л. 126. В том же выступлении Джафа-

А как обстояло дело с применением ставок коллективного договора по заработной плате?

Единственная попытка конкретного исследования этого вопроса была предпринята в свое время А. Дубнером. Вот его вывод: «И хотя в декабре Советом (Бакинским.— С. А.) было принято постановление о том, что колдоговор, даже не подписанный нефтепромышленниками, является обязательным, условия жизни рабочих ни в какой мере этим облегчены не были, хотя бы уже потому, что заработная плата в раз-
мере, предусмотренном договором, повышена не была» (подчеркнуто мной.— С. А.)³⁶. Основанием для такого утверждения послужили документы одного промысла фирмы Нобеля, анализ которых показал, что рост средневзвешенной заработной платы рабочих в январе 1918 г. против соответствующего месяца 1917 г. составил, по подсчетам автора, 286%³⁷.

Следовательно, А. Дубнер построил свой вывод на динамике заработной платы лишь одного промысла. Ошибочность его метода очевидна, ибо в таком случае неоправданно игнорируется принцип исчисления заработной платы по коллективному договору. Автор, видимо, полагал, что после введения договора рост зарплаты рабочих должен составить повсеместно не менее 460%, так как договор предусматривал приведение заработной платы в соответствие с выросшей в годы мировой войны дороговизной, согласно коэффициенту 4,6. Но известно, что этот коэффициент был установлен, исходя из бюджетного набора самой низкооплачиваемой группы чернорабочих³⁸. Вслед за ними шли многочисленные другие профессии с более высоким окладом в начале 1917 г., для которых в договоре устанавливалась соответственно меньшая процентная прибавка. Остановимся на этом вопросе более детально.

В капиталистическом Баку существовала резкая диспропорция в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда. В годы войны она приняла особенно значительные размеры. Причиной было повышение в общей сумме заработка удельного веса различных дополнительных элементов: «наградные», «футовые», «военное пособие», «квартирные деньги», «квартирное довольствие» и пр.³⁹. Предприниматели рассматривали их как «временные», непостоянные виды заработка, не входившие в основной оклад (по свидетельству фабричной инспекции, они даже не указывались в договорной части расчетных книг

ров сделал следующее недвусмысленное заявление: «Закавказский Комиссариат часто действует под давлением тех или других политических партий и организаций, требующих издания им удобных постановлений... При издании декрета о 8-часовом рабочем дне,— признал он,— большинство членов Комиссариата было против него».

³⁶ А. Дубнер. Бакинский пролетариат в годы революции (1917—1920), 1931, стр. 51.

³⁷ А. Дубнер. Указ. соч., стр. 52. При этом, по мнению автора, подобное повышение произошло лишь у крупных фирм: «Значительная часть предприятий, входивших в Союз (речь идет о I Союзе, объединявшем 27 крупных фирм.— С. А.), все (!) фирмы II Союза (объединял 60 фирм.— С. А.) и «Зафатема» даже в этом подъеме зарплаты отставали от нобелевских предприятий». Ниже, на примере промысла М. Мирбабаева, члена II Союза нефтепромышленников, мы увидим, что относительный рост заработной платы в январе 1918 г. у средних и мелких фирм в целом был даже более значительным, нежели у крупных.

³⁸ В 1913 г. чернорабочие, по нашим подсчетам, в нефтяной промышленности составляли 34,4%, на фабриках и заводах без нефтяной промышленности — 14,9%, на прочих предприятиях добывающей и обрабатывающей промышленности — 3,9%, на транспорте и судоходстве — 4,5% («Перепись Баку 1913 г.», ч. III, 1916, вып. 2, стр. 54—71; вып. 4, стр. 54—70).

³⁹ По документам фирмы Нобеля и акц. об-ва «Электрическая сила» в марте 1917 г. на долю дополнительных элементов приходилось более половины — соответственно 51,1 и 58,5% — общего заработка рабочих (ЦГИА Азерб. ССР, ф. 798, оп. 1, д. 2097, л. 16; ф. 528, оп. 1, д. 1220, лл. 92—93). До войны их размер едва доходил до 1/3 заработной платы (ср. А. М. Стопани. Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих, 1910, стр. 31; его же. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет, М., 1924, стр. 9).

рабочих)⁴⁰. Отсюда почти неограниченный произвол при нормировке составных частей зарплаты в различных фирмах — «сознательно проводимая система частных соглашений», разлагающее влияние которой хорошо охарактеризовано А. Дубнером. Основная цель «системы» (точнее — практики) частных соглашений состояла в том, чтобы, как верно подметил тот же исследователь, расколоть ряды рабочего класса⁴¹. К сожалению, в своих обобщениях он не вполне учел значение данного факта.

Подобная практика приводила к тому, что в Баку не только в различных смежных отраслях промышленности, но даже внутри одного и того же производства, в фирмах, входивших в состав одного и того же союза, существовали различные нормы средней зарплаты (см. данные за январь 1917 г. в таблице на стр. 120).

Поэтому коллективный договор предусматривал не только приведение заработной платы в соответствии с дороговизной, но и значительные структурные изменения в ней. В § 13 указывалось, что «с введением коллективного договора уничтожаются все существующие денежные выдачи, а равно и выдачи натурой» (речь идет о дополнительных элементах. — С. А.), т. е. создавался единый унифицированный вид заработной платы⁴². Далее, — и это главное — в основу ставок договора был положен принцип прогрессивно-падающей процентной нормы прибавки. Так, для рабочего с поденным окладом 95 коп. в марте 1917 г. устанавливался новый оклад 4 руб. 35 коп., а для рабочего с окладом 6 руб. в день — 14 руб.⁴³. В первом случае рост составлял 457,9%, во втором — лишь 233,3%, т. е. почти вдвое меньше.

Отсюда ясно, что полученный А. Дубнером результат (286%) вовсе не говорит о том, что «в размере, предусмотренном договором», заработная плата не была повышена. Применение коллективного договора не могло дать одинаковый и притом непременно более высокий, чем полученный Дубнером, рост заработной платы во всех фирмах. В каждом случае он зависел, главным образом, от удельного веса высокооплачиваемых и низкооплачиваемых групп в данном предприятии, иными словами — от уровня средней зарплаты. Из сказанного ясно также, что динамику зарплаты в одной фирме, тем более на одном ее промысле, нельзя принять за общий показатель движения зарплаты во всей промышленности, как это делает А. Дубнер.

Имеющиеся источники с несомненностью подтверждают факт применения ставок коллективного договора. В частности, газета «Известия Бакинского Совета» в начале ноября 1917 г., подчеркивая, что остается еще масса спорных вопросов, в то же время отмечала: «коллективный договор вошел в силу, и рабочие получают уже по новым ставкам» (подчеркнуто мной. — С. А.)⁴⁴. О выдаче рабочим заработной платы «по нормам коллективного договора», согласно опубликованным в «Известиях Бакинского Совета» 13 октября 1917 г. ставок, свидетельствуют и заключения промыслового комитета на платежных ведомостях М. Мирбабаева (кстати, как сказано выше, члена II Союза нефтепромышленников), переписка т-ва бр. Нобель с «Кавказским окружным страховым т-вом», Комитетом I Союза нефтепромышленников⁴⁵ и др.

⁴⁰ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 1669, л. 3; ф. 509, оп. 1, д. 265, лл. 9—24. Ср. В. В. Покшишевский. Указ. соч., стр. 67.

⁴¹ А. Дубнер. Указ. соч., стр. 6—10, 19.

⁴² «Условия коллективного договора», стр. 8. Исключение «по чисто местным условиям» было сделано для «квартирных», «квартирного довольствия» (топливо, свет и вода), «банных», «проездных» и «доставочных» (см. там же; «Известия Бакинского Совета», 3 июня 1917 г.).

⁴³ «Условия коллективного договора», стр. 13—14.

⁴⁴ «Известия Бакинского Совета», 5 ноября 1917 г.

⁴⁵ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 619, оп. 1, д. 86, лл. 61—63, 70—72; ф. 798, оп. 2, д. 3794, лл. 1—2, 7; оп. 1, д. 2134, л. 138.

Фирма	Январь 1917 г.			Январь 1918 г.				Февраль 1918 г.			
	Среднесписочное число рабочих*	Выдана зарплата (в руб.)	Средняя зарплата (в руб.)	Среднесписочное число рабочих.*	Выдана зарплата (в руб.)	Средняя зарплата (в руб.)	Рост средн. зарплаты к 1917 г. (в %)	Среднесписочное число рабочих*	Выдана зарплата (в руб.)	Средняя зарплата (в руб.)	Рост средней зарплаты к 1917 г. (в %)
М. Мирбабаев (Балаханский промысел)**	68	2 736	40,2	60	11 032	183,8	457,2	62	11 332	182,7	454,5
Московско-Кавказское т-во (промысел «А»)	299	12 668	42,4	314	70 674	225,1	530,9	300	63 470	211,6	499,0
С. М. Шибаев и К ^о											
а) Сернокислотный завод	37	2 624	70,9	30	7 950	265,0	373,7	30***	6 527***	217,6***	306,9***
б) Механическая мастерская	235	23 559	100,2	320	75 075	234,6	234,1	267***	5 376***	201,4***	201,0***
«Электрическая сила» (Белогородский отд.)	171***	19 233***	112,4***	235	54 527	232,0	206,4	226	48 453	214,3	190,6

* Среднесписочное число рабочих определено путем сопоставления данных за каждую половину месяца; причем бралось во внимание число рабочих не по начальной графе списков и ведомостей, а по завершающей графе — «Подлежит выдаче» или «К выдаче» с тем, чтобы учтенными оказались рабочие, действительно получившие зарплату.

** В отличие от других фирм, на промысле Мирбабаева служащим выдавалась зарплата совместно с рабочими и мастерами (по единому списку). Поэтому в каждом случае число членов администрации и полученная ими сумма нами вычтена из общих цифр по указанному предприятию.

*** Цифры относятся к апрелю 1918 г., так как достоверных данных за февраль обнаружить не удалось.

**** По той же причине эти цифры даны за март 1917 г.

Перечень подобных документов, достаточно веских и убедительных, можно было бы продолжить. Однако коснемся наиболее принципиальной и сложной стороны вопроса — движения заработной платы, ее динамики за 1917—1918 гг. (см. таблицу)⁴⁶.

Первое, что обращает на себя внимание в таблице, это ярко выраженное разграничение норм средней заработной платы в январе 1917 г. по традиционным «полюсам» — промышленным (первые два) и заводским (нижние три) предприятиям. Таблица наглядно показывает, что в заводских и промышленных предприятиях существовали «свои» нормы средней зарплаты, резко отличавшиеся друг от друга. Всячески защищая подобное разграничение, буржуазия стремилась экономически раздробить рабочий класс, противопоставить заводских, преимущественно квалифицированных русских рабочих широкой массе промышленных рабочих, более половины (в 1916 г. — 57,5%)⁴⁷ которых составляли азербайджанцы, дагестанцы и татары.

Как видно из таблицы, в январе — феврале 1918 г. заработная плата во всех фирмах весьма значительно повысилась, что явилось прямым результатом применения ставок коллективного договора (рост средне-взвешенной заработной платы по пяти предприятиям, вошедшим в таблицу, в январе 1918 г. составляет 392,5%). Однако нельзя не заметить, что этот рост распределяется крайне неравномерно по всем предприятиям в зависимости от исходного уровня средней зарплаты: наименьший рост (в %) произошел там, где в начале 1917 г. была наиболее высокая зарплата. В результате традиционное разграничение ее норм по заводским предприятиям и промыслам, наносившее большой вред интересам рабочего класса, почти полностью исчезло. Едва ли можно сомневаться, что в этом сказалось действие принципа прогрессивно падающей нормы прибавки, положенного в основу коллективного договора.

Таким образом, благодаря фактическому применению коллективного договора, искусственно раздутое буржуазией несоответствие в оплате различных групп рабочего класса в основном было ликвидировано. Напомним, что именно в этом видели большевики Баку один из важнейших результатов завоеванного пролетариатом коллективного договора. В специальной статье, посвященной окончанию сентябрьской забастовки, Алеша Джапаридзе писал: «Отныне нет белых и черных рабочих, не будет зависти и раскола среди рабочих нефтепромышленного района. Общие условия труда и общая борьба!»⁴⁸.

Однако судьба коллективного договора и в дальнейшем остро волновала рабочих вследствие неурегулированности спорных условий и саботажа буржуазии. Капиталисты по-прежнему отказывались признать за служащими 8-часовой рабочий день и воскресный отдых⁴⁹, неправильно исчисляли им месячную заработную плату и т. д.⁵⁰.

Новый тур переговоров в редакционной комиссии, начавшийся

⁴⁶ Таблица составлена на основе обработанных автором данных, содержащихся в полумесячных (за исключением промысла М. Мирбабаева, где зарплата выдавалась раз в месяц) ведомостях и списках по выдаче жалования рабочим и мастеровым. См. ЦГИА Азерб. ССР, ф. 619, оп. 1, д. 86, лл. 1—4, 73—76, 77—80; ф. 582, оп. 1, д. 308, лл. 1—29; д. 320, лл. 1—32, 33—63; ф. 581, оп. 1, д. 282, лл. 1—42, 50—53; д. 283, лл. 1—44, 54—55; д. 311, лл. 16—17, 38—39; д. 319, лл. 15—17, 37—58; ф. 528, оп. 1, д. 1220, лл. 95—98, 101—111; д. 1251, лл. 14—19, 25—29, 50—54, 60—64, 77—80, 93—97 («Выбор» предприятий для таблицы определялся степенью сохранности архивных документов).

⁴⁷ См. «Нефтяное дело», 1917, № 14, стр. 5—6.

⁴⁸ П. А. Джапаридзе. Избр. статьи, речи и письма. 1905—1918 гг., М., 1958, стр. 199.

⁴⁹ Только на предприятиях фирм Нобеля и «Олеум» были введены для служащих три вахты по восемь часов каждая (ПА Азерб. филнала ИМЛ, ф. 276, оп. 1, ед. хр. 150, лл. 131—132).

⁵⁰ Там же, ед. хр. 150, лл. 102, 131—132, 140, 143, 147; ед. хр. 152, лл. 112—140.

13 февраля 1918 г.⁵¹, обнаружил, помимо уже имевшихся, «новые» источники разногласий⁵². Более того, с целью вызвать дезорганизацию промышленности и тем самым воздействовать на представителей рабочих предприниматели инспирировали забастовки⁵³. На заседании комиссии 18 февраля 1918 г. И. Т. Фиолетов, обвинив промышленников в подстрекательстве рабочих к самочинным выступлениям, заявил: «Мы просили вас не доводить до разрухи нефтяную промышленность. Рабочие ждать больше не хотят и проводят 8-часовой рабочий день явочным порядком... Они прекращают работу с субботы до понедельника, происходит целый ряд недоразумений, затапливаются скважины, останавливаются заводы»⁵⁴.

Вышеприведенные факты убедительно свидетельствуют, что продолжение переговоров больше не отвечало тактическим задачам борьбы за укрепление власти Бакинского Совета, мобилизации внимания рабочего класса вокруг коренных вопросов социалистической революции. Работа в рамках редакционной комиссии с целью урегулирования спорных вопросов, устранения расхождений между двумя текстами договора не имела и практического значения, ибо промышленники категорически отвергли новое постановление Бакинского Совета с требованием подписать в двухдневный срок договор, изданный его Исполнительным Комитетом⁵⁵.

Тактика переговоров далеко не отражала настроения и широких слоев рабочих. Они призывали Бакинский Совет принять «все зависящие от него меры по отношению к нефтепромышленникам вплоть до ареста» (резолюция Конференции промыслово-заводских комитетов и Черногогородского районного Совета рабочих депутатов); требовали «зведения действительного рабочего контроля над промышленностью» (резолюция рабочих Биби-Эйбатского промысла фирмы Нобеля), немедленной национализации нефтяной промышленности, «так как это есть общее народное достояние, и время положить конец алчным аппетитам господ нефтяных королей» (резолюция общего собрания заводских рабочих той же фирмы)⁵⁶.

Установление действенного рабочего контроля и национализация нефтяной промышленности остро диктовались двуединой задачей борьбы против саботажа буржуазии, за упрочение Советской власти в Баку.

⁵¹ Я. А. Ратгаузер. Указ. соч., стр. 73. Здесь и далее даты даются по новому стилю.

⁵² Новые острые дебаты в редакционной комиссии вызвало обсуждение расхождений, имевшихся в двух вариантах коллективного договора, так как капиталисты произвольно трактовали старые протоколы переговоров по ряду принципиальных вопросов. Например, в § 10 договора, изданного Бакинским Советом, указывалось, что «необходимость производства тех или иных работ в день 1 мая разрешается промыслово-заводским комитетом совместно с администрацией предприятия», а в тексте промышленников значилась только «администрация предприятия» (см. ПА Азерб. филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 3, ед. хр. 150, лл. 171—233; «Условия коллективного договора», стр. 8). 15 марта 1918 г. капиталисты в лице представителя об-ва «Зафатема» сделали новый obstructивный ход: было выдвинуто требование, чтобы вопросы, касающиеся этого общества, были переданы особой подкомиссии (там же, ед. хр. 132, л. 310). В таких условиях обреченность редакционной комиссии на бесплодие была очевидной.

⁵³ ПА Азерб. филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 3, ед. хр. 132, л. 304; ед. хр. 150, л. 143; ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 1134, оп. 2, д. 1, л. 40; «Известия Бакинского Совета», 30 марта 1918 г.

⁵⁴ ПА Азерб. филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 3, д. 150, л. 105. Для регулирования этих вынужденных действий рабочих 15 февраля 1918 г. Бакинским Советом было издано специальное постановление, по которому 8-часовой рабочий день явочным порядком должен был проводиться с санкции Совета профсоюзов, Союза нефтепромышленных рабочих и Союза служащих промыслово-заводского района (см. ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 1134, оп. 1, д. 46, л. 48).

⁵⁵ Ответы союзов промышленников на постановление Бакинского Совета см. Я. А. Ратгаузер. Указ. соч., стр. 75—76.

⁵⁶ «Бакинский рабочий», 15 февраля и 5 марта 1918 г.; «Известия Бакинского Совета», 16 и 24 марта 1918 г.

Ограничимся ссылкой на два документа. 27 февраля 1918 г., докладывая на заседании Бакинского Совета о коллективном договоре, А. Заргаров говорил, что промышленники «опубликовали свой договор и тот даже не хотят добросовестно проводить в жизнь». «Мы должны иметь свой аппарат,— продолжал он,— чтобы при надобности взять всю промышленность в свои руки или же организовать контроль над ней»⁵⁷. В резолюции, принятой Советом 15 марта по докладу С. Г. Шаумяна о политическом положении на Кавказе, указывалось, что в целях защиты Баку от контрреволюции необходимо дальнейшее укрепление Советской власти, «что может быть достигнуто... проведением ряда декретов Совета Народных Комиссаров (РСФСР) о рабочем контроле в Баку, о земле в Бакинской губернии и т. д.»⁵⁸. Однако в деятельности бакинских большевиков имела место определенная недооценка значения общепартийных лозунгов о рабочем контроле и национализации промышленности, что, как отмечалось исследователями, отразилось и на последующем этапе борьбы бакинских рабочих⁵⁹.

В задачу настоящей статьи не входит специальное освещение вопроса о проведении рабочего контроля в Баку в послеоктябрьский период. Но, поскольку он был тесно связан с ходом борьбы за коллективный договор, нельзя не отметить, что проведение лозунга о рабочем контроле на практике оказалось несколько замедленным. Конечно, после провозглашения Советской власти в Баку вмешательство промысловых заводских комитетов и самих рабочих в различные стороны деятельности капиталистических предприятий еще больше возросло. В основном же подобные акты касались соблюдения условий коллективного договора, взаимоотношений между рабочими и предпринимателями, в редких случаях перерастая в различные формы участия рабочих в управлении производством. В определенной мере слабость рабочего контроля объяснялась тем, что капиталистические банки и фирмы сохраняли в своих руках командные рычаги управления промышленностью, а власть Бакинского Совета вплоть до марта — апреля 1918 г. была еще слаба⁶⁰.

В силу указанных обстоятельств установление действенного и систематического рабочего контроля над производством в Баку до создания Бакинского Совета Народных Комиссаров, как свидетельствуют источники, практически осуществлено не было. Предельно ясные сведения содержит об этом упомянутый выше анкетный лист Союза нефтепромышленных рабочих на I Всероссийском съезде профсоюзов. На вопрос анкеты «Как осуществляется у вас на месте рабочий контроль» делегация бакинских рабочих, возглавляемая И. Т. Фиолетовым, ответила: «Только что приступлено к организации». И далее на 4 вопроса: «Кем — фабрично-заводским комитетом или специальной контрольной комиссией проводится рабочий контроль»; «Существуют ли производственные контрольные комиссии»; «Подчинены ли они вашей организации или центру фабрично-заводских комитетов»; «Существуют ли районные и местные советы рабочего контроля», дан лаконичный ответ: «Пока нет»⁶¹.

Об этом свидетельствуют и цитируемое выше выступление А. Зар-

⁵⁷ «Бакинский рабочий», 2 марта 1918 г.

⁵⁸ «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Док. и материалы 1917—1918 гг.», под ред. З. И. Ибрагимова и М. С. Искандерова, 1957, стр. 317, док. № 329.

⁵⁹ См. А. Дубнер. Указ. соч., стр. 68—69; А. Н. Гулиев. Указ. соч., стр. 116.

⁶⁰ С. Г. Шаумян указывал, что только после «мартовских боев», т. е. разгрома контрреволюционного мятежа мусавистов, Бакинский Совет вышел на путь коренных социальных преобразований, а его власть стала «действительной властью» (см. С. Г. Шаумян. Статьи и речи 1917—1918 гг., 1929, стр. 145).

⁶¹ См. «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов 7—14 января 1918 г. Полный стенографический отчет», М., 1918, стр. 345; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 2, л. 35, л. 11.

гарова на заседании Бакинского Совета 27 февраля 1918 г. и резолюция Бакинского Совета от 15 марта по докладу С. Г. Шаумяна. Наконец, на это указывал С. Г. Шаумян в своем выступлении на заседании Совета 19 апреля 1918 г., обсудившем вопрос о подготовке к национализации нефтяной промышленности. Он заявил: «Нами ничего не предпринято для национализации нефтяной промышленности. До сих пор даже еще не существует рабочего контроля»⁶². Едва ли можно игнорировать подобные высказывания при исследовании данного вопроса⁶³.

Весной 1918 г. борьба бакинских рабочих за коллективный договор вступила в заключительную стадию. Как правильно отмечал С. Е. Сеф, она завершилась лишь после национализации нефтяной промышленности в июне 1918 г.⁶⁴

Разгромив в начале апреля контрреволюционный мятеж, организованный буржуазно-помещичьей партией мусаватистов, Бакинский Совет значительно укрепил свою власть. Эта победа дала возможность созданному 25 апреля 1918 г. Совету Народных Комиссаров Бакинского района провести в жизнь ряд важнейших социалистических мероприятий. Были национализированы банки, нефтеносные недра, нефтяная промышленность, торговый флот. Осуществление указанных мероприятий всецело опиралось на революционную активность и поддержку рабочего класса. В декрете от 2 июня 1918 г. о национализации нефтяной промышленности свое логическое завершение нашла борьба за рабочий контроль над производством: промыслово-заводским комитетам предоставлялось право контроля над всей деятельностью, имуществом, финансами и документами национализированных предприятий⁶⁵.

Бакинский Совнарком принял широкую программу, направленную на радикальное улучшение экономического положения рабочего класса. Важнейшая часть ее касалась коллективного договора. Уже в мае 1918 г. было решено декретировать коллективный договор и в среднем на 90% увеличить ставки по заработной плате (ставилась задача поднять зарплату в нефтяной промышленности «до норм питерских»). Важную помощь в реализации этого плана оказало правительство РСФСР, выделившее на увеличение вывоза нефти из Баку и выдачу зарплаты рабочим 100 млн руб.⁶⁶

Коллективному договору и увеличению зарплаты рабочих целиком была посвящена вторая часть декрета о национализации нефтяной промышленности. В этой части декрета говорилось, что Бакинский СНК до проведения в жизнь «общих для всех национализированных предприятий Российской Республики Советов норм оплаты, охраны и обеспечения труда, оставляет в силе существующий коллективный договор»⁶⁷. Наряду с этим, учитывая дальнейшее вздорожание

⁶² «Известия Бакинского Совета», 21 апреля 1918 г.

⁶³ На переоценку общих результатов рабочего контроля в предоктябрьский период, допущенную в нашей историографии, недавно указывал П. В. Волобуев. Он справедливо предостерегает от подобной тенденции (см. П. В. Волобуев. Указ. соч., стр. 55; его же. Антирабочая политика Временного правительства (март — октябрь 1917 г.). «Вопросы истории», 1962, № 6, стр. 53). В свете приведенных выше фактов это предостережение, нам думается, должно быть учтено также при изучении борьбы за рабочий контроль в Бакинском районе в последующий период — до апреля 1918 г.

⁶⁴ С. Е. Сеф. Указ. соч., стр. 240.

⁶⁵ См. «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане», стр. 454, док. № 470. Вслед за декретом 23 июня 1918 г. была опубликована «Инструкция по организации рабочего контроля в национализированных предприятиях нефтяной промышленности», в которой разъяснялись конкретные вопросы, связанные с введением рабочего контроля (ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 11, д. 1, лл. 106—109; «Бакинский рабочий», 27 июня 1918 г.).

⁶⁶ «Бакинский рабочий», 16 мая 1918 г. «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане», стр. 414, док. 435, стр. 413, док. № 434.

⁶⁷ «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане», стр. 455, док. № 470.

жизни⁶⁸, ставки коллективного договора существенно повышались (новые прибавки считались введенными с 1 мая 1918 г.). Примечательно, что и в данном случае в качестве основы был применен принцип прогрессивно-падающей нормы прибавки; поденный оклад рабочего, получавшего 4 руб. 35 коп., увеличивался до 10 руб. 15 коп., или на 133,3%, а рабочего, получавшего 14 руб. 90 коп., до 17 руб. 80 коп. — на 19,4%. Наконец, Совету Народного Хозяйства Бакинского СНК поручалось немедленно оплатить рабочим разницу, следуемую за прошлое время «по спорным до сего времени пунктам коллективного договора»⁶⁹.

Не ограничиваясь этим, Бакинский Совнархоз и его органы по труду поставили перед собой задачу повышения заработной платы до уровня нефтяной промышленности в отраслях, не охваченных действием коллективного договора. 2 июля 1918 г. было опубликовано постановление Комиссариата труда о твердом минимуме заработной платы временных («марочных») рабочих, в основу которого был положен коллективный договор нефтепромышленных рабочих⁷⁰. Были установлены твердые оклады для различных категорий рабочих, также не охваченных коллективным договором: курьеров, телефонистов, дворников, рабочих и служащих союза «Игла», банно-прачечных заведений, типографско-литографских и переплетных мастерских, хлебопекарен и других мелких предприятий в городе и его районах⁷¹.

Таким образом, борьба за коллективный договор после сентябрьской забастовки и декрета Озакома от 14 октября 1917 г. не закончилась. В окончательной редакции договор капиталистами не был подписан, в силу чего и после провозглашения Советской власти в Баку договор оставался узловым вопросом борьбы между трудом и капиталом, исходным пунктом движения за рабочий контроль над производством и национализацию промышленности.

Со второй половины октября 1917 г. оплата труда в промышленности производилась по ставкам коллективного договора, что подтверждается источниками и динамикой заработной платы за 1917—1918 гг. Случаи недоплаты и удержаний, столь частые вплоть до июня 1918 г., преимущественно касались не окладов, предусмотренных договором, а производных сумм по спорным вопросам (оплата сверхурочных работ за воскресные и праздничные дни, разница за апрель — сентябрь и др.).

Оплата ставок коллективного договора по заработной плате является основным экономическим результатом сентябрьской забастовки.

Исключительно больших усилий от рабочего класса потребовала борьба за соблюдение условий коллективного договора о правах промыслово-заводских комитетов и 8-часовом рабочем дне (для служащих). Из-за ожесточенного сопротивления капиталистов эти разделы договора претворялись в жизнь главным образом явочным порядком.

Свое окончательное разрешение борьба за коллективный договор нашла в деятельности Бакинского СНК, установившего рабочий контроль над промышленностью и декретировавшего договор, завоеванный бакинскими рабочими в продолжительных боях с капиталом.

⁶⁸ Еще в октябре 1917 г. коэффициент вздорожания жизни стал 6,6, а по ряду важных предметов — даже 8,6. К тому же город переживал острую нехватку жизненно необходимых предметов: в феврале 1918 г. карточная норма хлеба на душу была сокращена до 0,25 фунта (100 г), причем и она нередко не выдавалась из-за полного отсутствия запасов (см. «Бакинский рабочий», 2 марта 1918 г.).

⁶⁹ См. «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане», стр. 455—457, док. № 470.

⁷⁰ См. «Бакинский рабочий», 2 июля 1918 г.; ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 34. Комиссариат по труду при Бакинском Совете был создан еще в марте 1918 г., что было одним из важнейших мероприятий по расширению и укреплению Советской власти (см. З. И. Ибрагимов. Указ. соч., стр. 329—330).

⁷¹ «Бакинский рабочий», 2 и 10 июля 1918 г.